

РЕЖИССЕР ПИТЕР ГРИНУЭЙ:

Известия - 2005 -
16 фев. - с. 17

«О чем еще можно снимать кино, если не о сексе и смерти»

Культовый кинорежиссер Питер Гринуэй приехал в Ригу, чтобы прочесть две лекции с вызывающими названиями «Кино умерло» и «Да здравствует кино!», во время которых показывал фрагменты из «Чемоданов Тульса Люпера» и отпускал реплики вроде: «Если кто-то после моего фильма почувствовал себя гомосексуалистом, я счастлив, что помог ему перестать мучиться в поисках сексуальной ориентации, хотя вовсе не собирался увеличивать ряды поборников однополю любви». С Питером Гринуэем пообщался корреспондент «Известий» **Матвей Глебов**.

ПИТЕР ГРИНУЭЙ: Кино, к которому мы привыкли в XX веке, под конец ушедшего столетия благополучно скончалось. Могу даже назвать точную дату смерти — 31 сентября 1983 года, когда изобрели пульт дистанционного управления, лишивший возможности навязывать зрителю волю авторов фильма. Мы находимся сейчас в постдиетальной компьютерной эпохе, требующей иных выразительных средств, чем прежде. Уверен, настоящего кино вы не видели — только снятое по книжкам или чьим-то текстам. Я, например, вряд ли даже раза три в год смотрю кино, слишком уж скучное это занятие. Разве что когда мне нужно подобрать актера для новой картины, понять, смогу ли работать с ним. Как сейчас, когда готовлюсь снимать «Ночной дозор» к четырехсотлетию Рембрандта.

ИЗВЕСТИЯ: Вы, наверное, слышали про одноименный российский блокбастер?

ГРИНУЭЙ: Ну и какое отношение имеет он к великому полотну великого голландца? Его считают третьим в мире величайшим живописным произведением после «Моны Лизы» и Сикстинской капеллы. Мы собираемся устроить грандиозный проект, к юбилею будет не только фильм, но еще и опера, и выставка. Я хочу доказать, что Рембрандт был и предшественником кино. Музей оказал нам огромную честь, предоставив «Ночной дозор» на ночь для съемки. Надо внимательно смотреть на эту картину, и увидишь, как она вполне кинематографически меняется, словно Рембрандт был не только художником, но и гениальным оператором. Вообще странно, что предшественник кинематографа жил и творил четыре века назад. Моя бабушка говорила о Рембрандте так, словно тот был ее соседом.

ИЗВЕСТИЯ: Героя сыграет Рассел Кроу?

ГРИНУЭЙ: Я такого не говорил, потому что связан контрактом держать до поры в секрете имена исполнителей главных ролей, это пресса пронюхала и разболтала. Но уж про трех актрис, которым предстоит стать его женами, можете даже не допытываться. Меня очень интересует личная жизнь Рембрандта, где оставили заметный след все три жены. С первой был брак по расчету, со второй — взаимная страсть, третья женитьба обернулась нежной и драматичной привязанностью пожилого мужчины к юной барышне. Определенно могу лишь сказать, что начнем съемки 20 февраля в Ванкувере. Название этого канадского города звучит очень по-голландски, я думаю, Рембрандт будет чувствовать там себя как дома. Заодно уж скажу, что съемочной площадкой может стать и рижская Национальная опера.

ИЗВЕСТИЯ: Говорят, сразу после «Ночного дозора» Гринуэй приступит к русскому проекту?

ГРИНУЭЙ: Знаете, никак не ожидал, что окажусь таким популярным в России. Ладно, когда кинобосс Швыдкой написал киноведческую диссертацию по «Повару, вору, его

жене и ее любовнику», это еще полбеды, но когда московский таксист выдает цитаты из моего фильма, это уже нечто... Действие этой будущей работы должно происходить в темноте, все актеры — старше 60 лет, если угодно, ведущая тема — некрофилия, и в Европе было очень сложно отыскать финансирование для такого проекта. А в России нашли 13 миллионов долларов, чему я, конечно, очень рад.

ИЗВЕСТИЯ: Какое впечатление осталось у вас от работы с российскими актерами в «Чемоданах»?

ГРИНУЭЙ: Замечательное. С ними гораздо легче работать, чем с голливудскими звездами. В тех больше вкладываешь, а результат выходит непропорционально малым сравнительно с режиссерскими затратами. Вообще я заметил, что актеры после съемок у Гринуэя лучше играют и у других режиссеров, взять хотя бы того же Ральфа Файнза. Говоря же всерьез, уверен: у актерского кино нет будущего. Ну не для того же создано кино, чтобы в нем играла Шарон Стоун!

ИЗВЕСТИЯ: Вы как-то обрушились на Тарковского...

ГРИНУЭЙ: Вовсе я не обрушился на него, сказал только и сейчас готов подтвердить, что терпеть не могу его фильмы. Не думаю, что и в России он всеобщая икона. Но, чтобы меня лучше поняли, признаюсь: фактически все современные фильмы считаю скучными. И свои собственные тоже — никогда не стану больше снимать такие картины.

ИЗВЕСТИЯ: Даже если предложат неслыханный бюджет под «Повара-2»?

ГРИНУЭЙ: Во-первых, уже не раз предлагали. А во-вторых и в-главных: режиссер не должен заниматься тем, что ему неинтересно.

ИЗВЕСТИЯ: Однако, по-вашему, и при новых технологиях главными останутся секс и смерть?

ГРИНУЭЙ: А по-вашему — нет? О чем еще можно говорить и снимать кино, если не об этих непреходящих ценностях, сексе и смерти, когда человек не властен над собой... Не претендую на оригинальность, но и впрямь стоит присмотреться повнимательнее: европейская культура на стыке XX и XXI веков — постоянная пляска эроса и танатоса. Что ж удивляться, что кино пребывает в постоянном поиске свежих ощущений, связанных с сексом и смертью. Помню, одна американская дама после просмотра «Повара...» сетовала: хотела бы, дескать, я услышать, что скажет мама этого Гринуэя о том, чем он занимается.

ИЗВЕСТИЯ: Действительно, что говорила мама?

ГРИНУЭЙ: Не думаю, что она, учительница больных детей, видела хоть один мой фильм, а если б видела, вряд ли поняла бы. Она гордилась, что сын стал известным человеком, и во всем поддерживала меня. В отличие от отца, орнитолога, неоконченный диалог с которым продолжен в кино. Фраза из «Повара» про то, что «если эта книга не несет прибыль, какой в ней прок?» — это его слова.

ИЗВЕСТИЯ: Вы говорите, что чувствуете себя одновременно британцем и гражданином мира. Но известно ведь старинное происхождение вашего валлийского рода. Интересно, когда Англия играет с Уэльсом в футбол или в регби, за кого вы болеете?

ГРИНУЭЙ: Я выбрал оптимальный вариант, вообще не интересуюсь футболом. Даже в Амстердаме, который без ума от своего «Аякса», остаюсь равнодушным. Последним моим сильным пристрастием в этом смысле была игра Джорджа Беста. Как гениально он начинал — и как печально все это недавно закончилось.